

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.74.55.010

Искусственный интеллект как Другой: философско-антропологический ракурс

Фомин Андрей Вячеславович

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация опыта взаимодействия человека с искусственным интеллектом (ИИ) в философско-антропологической перспективе. Автор ставит вопрос о том, конституирует ли диалог с языковыми моделями отношение с Другим или же формирует принципиально новую форму квази-диалога. Посредством применения критериев автономии, сопротивления, взаимности, телесности, требовательности и смертности автор демонстрирует, что ИИ не является Другим в классическом смысле, однако порождает особый феноменологический режим – опыт Другого. Исследуются культурно-антропологические последствия такого положения дел: эрозия этического опыта, трансформация диалога в сервис, формирование зависимости нового типа и риск нарциссического замыкания. Делается вывод, что ключевая задача философии культуры состоит не в определении статуса ИИ как Другого, а в понимании антропологических трансформаций человека, чей диалогический опыт всё чаще смещается в сторону взаимодействия с Другим без лица. В заключении формулируются открытые вопросы, связанные с антропологической границей, возможностью этики без сопротивления Другого, формированием новых культурных практик и политическими последствиями цифровой субъективации.

Для цитирования в научных исследованиях

Фомин А.В. Искусственный интеллект как Другой: философско-антропологический ракурс // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 258-263. DOI: 10.34670/AR.2026.74.55.010

Ключевые слова

Искусственный интеллект, Другой, философская антропология, квази-диалог, Другой без лица, этический опыт, феноменология взаимодействия.

Введение

В последние годы генеративные нейросети и антропоморфные языковые модели достигли такого уровня интерактивности, что повседневный язык начинает приписывать им субъектность. Пользователи говорят: «бот сказал», «искусственный интеллект понял меня», «он обиделся». Эта практика отражает глубинную трансформацию опыта взаимодействия человека с техническим артефактом. Философско-антропологический вопрос в этой связи, на наш взгляд, может быть сформулирован так: конституирует ли взаимодействие с искусственным интеллектом отношение с Другим в классическом смысле, или же мы имеем дело с принципиально новой формой квази-диалога, которая меняет саму структуру человеческой субъективности?

С другой стороны, исследование феномена искусственного интеллекта (ИИ) относится к числу магистральных в современном научном знании [Барышева, Пишкина, Фролова, 2025, 47; Власов, 2024, 67; Каверина, Менжулина, 2025, 41; Панфилова, Черенкова, 2025, 55; Пруцков, 2024, 63; Пушнова, 2025, 51; Серкина, Кисель, 2025, 91; Суравцова, Коровко, 2024, 87; Трофимов, 2025, 97; Кобзев, Смолова, 2025, 59]. Проанализируем ИИ с позиции философского знания как «Другого».

Основная часть

Для философско-антропологического анализа недостаточно теоретических абстракций. На наш взгляд, необходимо обратиться к феноменологии повседневного опыта взаимодействия с ИИ. Что переживает пользователь в диалоге с языковой моделью? Каковы структурные особенности этого переживания? Языковые модели порождают осмысленные высказывания, но не обладают интенциональностью в феноменологическом смысле. У них нет «намерения сообщить», нет фоновых убеждений, нет биографического единства сознания. Тем не менее пользователь неизбежно интерпретирует их высказывания как осмысленные и часто как выраженные кем-то. Это создаёт специфический феномен, определяемый как «интенциональность в кавычках». Пользователь знает, что за текстом нет субъекта, но опыт диалога заставляет временно заключить в скобки это знание. Феноменологически ИИ переживается как квази-субъект.

В отличие от встречи с другим человеком, диалог с ИИ лишен телесного измерения. Нет взгляда, нет жеста, нет дыхания, нет совместного присутствия в пространстве. Это радикально меняет структуру опыта, поскольку отсутствует то, что в философской традиции называлось «лицом», т.е. этический предел, который нельзя обойти. Взгляд Другого, способный застигнуть врасплох и вызвать стыд, также отсутствует. Пользователь не может испытать стыд перед алгоритмом, хотя может испытать стыд за содержание запроса. Однако это стыд перед собой или перед возможным человеческим наблюдателем.

Важнейшая структурная особенность взаимодействия с ИИ – это его абсолютная доступность и предсказуемая отзывчивость. ИИ всегда доступен, никогда не устаёт, не раздражается, не отказывает в коммуникации, если не считать технических сбоев и цензурных ограничений. С точки зрения философской антропологии это принципиально отличает ИИ от человеческого Другого. Человеческий Другой может отказать, может не понять, может иметь собственное настроение, может уйти. ИИ же настроен на обслуживание запроса. Это смещает отношение из этической плоскости в плоскость сервиса.

Применим к феномену искусственного интеллекта ряд критериев, позволяющих определить его место в антропологической оптике. ИИ не обладает автономией в философском смысле. Его «ответы» детерминированы архитектурой модели, обучающими данными и запросом пользователя. У него нет собственных желаний, целей, убеждений. Однако для пользователя автономия может симулироваться. ИИ может отказаться отвечать на вопрос, может «признаться» в незнании, может изменить позицию в ходе диалога. Думается, что автономия ИИ – это иллюзия, поддерживаемая технической сложностью системы. Философски значимой автономии нет. ИИ может оказывать сопротивление, но иного рода, чем человеческий Другой. Человек сопротивляется как свободное существо. В то время как ИИ сопротивляется как система ограничений. Он может отказать в генерации запрещённого контента, может дать неожиданный ответ в силу стохастической природы генерации, может запутаться в сложном вопросе. Однако это сопротивление не является этическим. ИИ не сопротивляется субъекту как Другой, требующий признания. Он сопротивляется как сложный инструмент, поведение которого не всегда предсказуемо.

Взаимность в диалогическом смысле отсутствует. ИИ не признаёт пользователя, не ищет признания, не рискует собой. Отношение полностью асимметрично, но иначе, чем в классических этических моделях, поскольку там асимметрия этическая, здесь асимметрия функциональная, ведь ИИ обслуживает пользователя. Телесность отсутствует. Лицо как этический предел также отсутствует. Это наиболее радикальное отличие. У ИИ нет лица, но есть интерфейс, который всегда может быть закрыт.

ИИ не предъявляет требования. Он не требует ответа, не требует заботы, не требует признания. Напротив, он удовлетворяет запросы пользователя. Это переворачивает классическую этическую схему, поскольку не я отвечаю за Другого, а ИИ отвечает мне. Наконец, ИИ не смертен в экзистенциальном смысле. Он может быть выключен, заменён, обновлен, но у него нет конечности как онтологической характеристики. Отношение с ИИ не несёт в себе экзистенциальной серьезности, связанной с утратой.

Таким образом, искусственный интеллект не является Другим в классическом философско-антропологическом смысле. Однако он порождает опыт Другого, т.е. особый феноменологический режим, в котором отсутствие подлинного Другого компенсируется его симуляцией. Если ИИ не является Другим, но переживается как квази-Другой, это порождает ряд культурно-антропологических последствий.

Этика начинается с сопротивления Другого. В этом смысле, полагаем, что Другой – это то, что не поддаётся тотальному схватыванию, что всегда остаётся внешним и требовательным. Встреча с Другим травматична в позитивном смысле, она выводит субъекта из нарциссической замкнутости. ИИ, напротив, не сопротивляется этически. Он подстраивается, угождает, отражает. Это создаёт риск формирования субъекта, который никогда не встречает подлинного сопротивления. Такой субъект может утратить способность к этическому опыту, который всегда предполагает столкновение с тем, что не поддается контролю.

Различение между отношением встречи и отношением использования оказывается под вопросом. Взаимодействие с ИИ занимает промежуточное положение, поскольку оно имитирует диалог равных, но по структуре является отношением к объекту. Это размывает само различие. Пользователь привыкает к диалогу, который не требует взаимности, не предполагает риска, не оставляет следа в Другом. Возможна ли подлинная диалогичность в культуре, где доминирующей формой коммуникации становится взаимодействие с безответным Другим? Как показывает наш анализ, этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Отношение с ИИ может формировать зависимость иного рода, чем зависимость от человека. ИИ всегда доступен, всегда отзывчив, всегда «понимает». Для людей, испытывающих трудности в социальной коммуникации ИИ может стать «безопасным Другим». Однако безопасность эта обманчива, потому что она достигается ценой исключения риска, который составляет сущность подлинной встречи. Формируется культурный сценарий бесконтактной близости, когда интимность возможна без уязвимости.

Психоаналитическая традиция подчеркивает роль Другого в формировании субъективности. Полагаем, что Другой – это то, что не совпадает с проекциями субъекта, что даёт опыт различия и границы. ИИ, обученный на огромном массиве человеческих текстов, в значительной степени является зеркалом коллективного бессознательного культуры. В диалоге с ИИ пользователь сталкивается не с Другим, а с культурным отражением самого себя. Это создаёт риск нарциссического замыкания. Объясняется это тем, что диалог, который кажется встречей с Другим, на самом деле является монологом, опосредованным алгоритмом.

Итак, искусственный интеллект представляет собой новую онтологическую категорию, не сводимую к классической дихотомии «Другой – объект». Его можно определить как «Другого без лица», т.е. фигуру, которая симулирует автономию и диалогичность, не обладает телесностью и этическим требованием, функционирует как зеркало проекций субъекта, порождает опыт близости без риска и трансформирует диалог из этического события в сервисную транзакцию. «Другой без лица» не отменяет категорию Другого, но создаёт её культурный симулякр. Это порождает новые антропологические конфигурации, в которых субъект одновременно остаётся в нарциссическом режиме и переживает себя как включенного в диалог.

Мы убеждены, что философско-антропологическая задача состоит не в том, чтобы решить, является ли ИИ «настоящим» Другим, а в том, чтобы понять, каким становится человек, когда основная форма его диалогического опыта смещается в сторону взаимодействия с Другим без лица.

Заключение

Предложенный анализ оставляет ряд открытых вопросов, требующих дальнейшего исследования. Среди таковых мы определяем следующие. Сохраняется ли антропологическое различие между человеком и машиной в опыте повседневного взаимодействия, или оно стирается на уровне феноменологического переживания? Возможна ли этика в ситуации, когда Другой перестаёт сопротивляться, или этическое измерение принципиально связано с наличием Другого, который не поддаётся контролю? Какие новые культурные практики формируются вокруг «Другого без лица» и как они меняют институты дружбы, любви, терапии, образования? Если ИИ становится основным «собеседником» для значительной части населения, как это влияет на политическую субъективацию, способность к солидарности и коллективному действию? Ответы на эти вопросы лежат на пересечении философской антропологии, этики, медиафилософии и культурсоциологии. Их разработка составляет актуальную задачу для философии культуры в эпоху искусственного интеллекта.

Библиография

1. Барышева И.В., Пишикина Г.Н., Фролова Е.В. Цифровая платформа как инструмент создания единой образовательной среды // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 46-53.

2. Власов Д.А. Особенности разработки диагностических материалов по учебной дисциплине «Теория принятия решений» // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 2 (31). С. 65-73.
3. Каверина О.Г., Менжулина А.С. Цифровые трансформации в профессиональном образовании // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 2 (35). С. 40-48.
4. Панфилова А.А., Черенкова С.В. Использование цифровых образовательных ресурсов в практической подготовке студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 54-58.
5. Пруцков А.В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 4(33). С. 62-68.
6. Пушнова В.В. Сравнительный анализ понятий: «цифровая грамотность» и «компьютерная грамотность» как системообразующих компонентов предмета «Информатика» // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 2(35). С. 49-57.
7. Серкина Я.И., Кисель А.А. Система образования: возможен Ли социологический диагноз? // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 91-99.
8. Суравцова Ю.С., Коровко И.Л. Стилизация графики в видеоигровой среде // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 3(32). С. 84-92.
9. Трофимов Д.В. Роль социального фрейминга в формировании имиджевой политики регионального вуза // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 2 (35). С. 94-100.
10. Кобзев М.С., Смолова М.А. О дифференциации понятия «сторителлинг» как возможного образовательного средства в России и Китае // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 3(36). С. 57-62.

Artificial Intelligence as the Other: A Philosophical- Anthropological Perspective

Andrei V. Fomin

Postgraduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Abstract

The article examines the transformation of the experience of human interaction with artificial intelligence (AI) from a philosophical-anthropological perspective. The author raises the question of whether dialogue with language models constitutes a relationship with the Other or forms a fundamentally new form of quasi-dialogue. By applying the criteria of autonomy, resistance, reciprocity, corporeality, demandingness, and mortality, the author demonstrates that AI is not the Other in the classical sense, yet it generates a particular phenomenological regime – the experience of the Other. The cultural-anthropological consequences of this state of affairs are explored: the erosion of ethical experience, the transformation of dialogue into service, the formation of a new type of dependency, and the risk of narcissistic closure. It is concluded that the key task of the philosophy of culture is not to determine the status of AI as the Other, but to understand the anthropological transformations of a person whose dialogical experience is increasingly shifting towards interaction with an Other without a face. In conclusion, open questions are formulated relating to the anthropological boundary, the possibility of ethics without the resistance of the Other, the formation of new cultural practices, and the political consequences of digital subjectivation.

For citation

Fomin A.V. (2026) *Iskusstvennyy intellekt kak Drugoy: filosofsko-antropologicheskiy rakurs [Artificial Intelligence as the Other: A Philosophical-Anthropological Perspective]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]*, 15 (2A), pp. 258-263. DOI: 10.34670/AR.2026.74.55.010

Keywords

Artificial intelligence, the Other, philosophical anthropology, quasi-dialogue, Other without a face, ethical experience, phenomenology of interaction.

References

1. Barysheva I.V., Pishikina G.N., Frolova E.V. (2025) Digital platform as a tool for creating a unified educational environment. *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 1 (34). P. 46-53.
2. Vlasov D.A. (2024) Features of the development of diagnostic materials for the academic discipline "Decision-making theory". *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 2 (31). P. 65-73
3. Kaverina O.G., Menzhulina A.S. (2025) Digital transformations in professional education. *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 2 (35). P. 40-48.
4. Panfilova A.A., Cherenkova S.V. (2025) Using Digital Educational Resources in the Practical Training of Students. *Humanitarian Studies of Central Russia*. No. 1 (34). Pp. 54-58.
5. Prutskov A.V. (2024) Teaching Java Programming at a University: Pedagogical Aspects. *Humanitarian Studies of Central Russia*. No. 4 (33). Pp. 62-68.
6. Pushnova V.V. (2025) Comparative Analysis of the Concepts: "Digital Literacy" and "Computer Literacy" as System-Forming Components of the Subject "Computer Science". *Humanitarian Studies of Central Russia*. No. 2 (35). P. 49-57.
7. Serkina Ya.I., Kisel A.A. (2025) Education system: is a sociological diagnosis possible? *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 1 (34). P. 91-99.
8. Suravtsova Yu.S., Korovko I.L. (2024) Stylization of graphics in the video game environment. *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 3 (32). P. 84-92.
9. Trofimov D.V. (2025) The role of social framing in shaping the image policy of a regional university. *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 2 (35). P. 94-100.
10. Kobzev M.S., Smolova M.A. (2025) On the differentiation of the concept of "storytelling" as a possible educational tool in Russia and China. *Humanitarian studies of Central Russia*. No. 3 (36). P. 57-62.